

СОЦИАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И РЕЛИГИОЗНЫЙ РЕНЕССАНС

канд. филос. наук, доцент Качурова Светлана Владимировна
*Национальный юридический университет имени Ярослава Мудрого
Украина*

Одно только присутствие *множества* религий в современном социуме создает «узлы» противоречий, которые несут ему прямую угрозу. Так бывает всегда, когда сталкиваются системы, создающие и воспроизводящие высшие ценностные ориентиры. Развитие демократии в Украине во многом зависит от того, как разрешаются эти противоречия. Конкуренция в этой сфере всегда имеет превосходную степень. При этом, если снятие данных противоречий определяется исключительно правовыми нормами или теоретической рефлексией, то верность идеи демократии только подтверждается; если – нет, то под вопросом может оказаться истинность самой этой идеи.

Современный демократический миропорядок это лишь вершина огромного исторического айсберга. Его недопустимо рассматривать в качестве лишь непосредственного результата. Прежде всего, бросается в глаза несоответствие формы и содержания в нем. Так, если действующие конституции указывают на *равенство* всех религий перед законом (то есть, говорят одно), то в реальности общественной жизни существуют многочисленные религиозные образования (то есть, в наличии имеем нечто совершенно иное). Причем, каждая из них, будучи *для себя* единственным носителем абсолютного знания, совсем не расположена терпимо относиться ко всем другим. Здесь как нигде работает гоббсовская формула «*bellum omnium contra omnes*» («война всех против всех»).

Если в качестве мирила (и как в смысле «мира», и как в смысле «меры») взять светское государство, то в современном социуме можно встретить как минимум *три* принципиально *разных* по отношению к нему типа религиозности. Эта разность так же противоречит формальному единству и представлена тремя религиозными видами. А именно, в современном обществе существуют религии: во-первых, *традиционные* для данного народа (или группы народов); во-вторых, *нетрадиционные* для данного народа (государства), но традиционные для другого; в-третьих, нетрадиционные *ни для какого* народа и государства, называемые «новыми религиозными движениями» (НРД) [1]. Здесь-то между ними и завязываются указанные узлы противоречий.

Обыкновенно религиозные конфликты разрешались так: *традиционные* вероисповедания, которые возникали в разные времена, рано или поздно создавали собственные государства, приобретая тем самым богатый исторический опыт социальной адаптации. Входя в непосредственное соприкосновение друг с другом, исторические религии с помощью собственных государств *естественным* образом разрешали взаимные конфликты. Локальные и мировые войны – это и есть тот самый способ стихийного, исторического снятия религиозных противоречий. Так что, к сожалению, флеботомия, то есть по-простому – кровопускание, суть метода выходящий далеко за пределы медицины. Сейчас этот способ религиозного самоутверждения иногда проявляет себя как религиозный государственный террор (пример: «Исламское государство», сокращённо ИГ, ранее «Исламское государство Ирака и Леванта», сокращённо ИГИЛ или ДАИШ).

Однако современность диктует нам совершенно иное. Этот стихийный способ стал неприемлем для религий, большинство из которых стали известны в период после Второй мировой войны. Несмотря на то, что внешне эти новые религиозные движения очень похожи на многочисленные новации, неизменно сопровождавшие религиозное развитие, они обладают одной особенностью. НРД, в отличие от «традиционных» в истории религии новообразований, вынуждены с самого начала реализовывать себя в условиях *светского* государства, что юридически лишает их возможности создать *собственную* государственную идеологию. Это – с одной стороны. С другой же, в условиях наличия оружия массового поражения серьезные «разборки» по поводу религиозных приоритетов грозят *одновременным* уничтожением всем враждующим сторонам. Выходит, эти религии изначально не могут идти по обыкновенному для исторических религий пути развития.

Поэтому новые религии ищут *иные* формы социальной адаптации. И все бы ничего, только этот «поиск» зачастую приводит к социальным катастрофам. Именно они в современной системе взаимоотношения церкви и государства: «традиционные религии – светское государство – новые религиозные движения», создают специфический проблемный узел. Трагедии Джонстауна (Гайана), Вако (Waco) (Техас), Вале и Фрибурга (Швейцария), Сен-Пьер-де-Шерен (Франция), провинции Квебек (Канада), Мацумото и Токио (Япония) и др. говорят о нежизнеспособности абстрактно

понимаемого принципа равенства всех религий – первоначальной идеи, на которой основана данная система.

Эти факты, находясь в сфере правовой ответственности высокоразвитых стран, свидетельствуют о том, что развитие демократии не ослабляет вероятность противоправного поведения последователей новых религий, а, наоборот, только усиливает, что даже самые совершенные в отношении свободы вероисповедания страны не способны гарантировать защиту от экстремизма на религиозной почве. Данное противоречие (между развитой государственной формой и стихийным, иногда даже социально опасным, религиозным содержанием) порождается с одной стороны условиями, в которые поставлены НРД, с другой – их собственной природой.

Светское государство может противодействовать социоконфликтности этих религий с помощью своих силовых структур, судов и даже конституционного ограничения прав религиозного «меньшинства». И, тем не менее, как показывает опыт, все эти меры не приносят желаемых результатов. Практические вопросы требуют для своего разрешения обстоятельной религиоведческой теории, где предметом является социальная адаптация этих религий, субъективные и объективные причины их противоправных действий. В этой теории должны быть проанализированы основные формы снятия социальных противоречий, создаваемых НРД.

Сущность социальной адаптации НРД заключается в их стремлении придать своей избыточной религиозной харизме социально признанную форму. Причина же проблемных ситуаций, создаваемых для общества этими религиями, коренится в изначальной невозможности для них завершить свою религиозную новацию в традицию. Следует особо обратить внимание на то, что основные виды противоправных действий этих движений: крайний активизм (террор, заговоры, преследования), преступления на экономической почве, политическая пассивность и аполитичность, имеют свой источник в современной специфической системе общественных отношений и не могут произвольно списываться на субъективные факторы (криминальность лидеров, психические заболевания и проч.).

Позволим себе сформулировать **парадокс** социальной адаптации НРД следующим образом: *чем тоталитарнее общество, тем меньше в нем проявляется социально опасная деятельность «новых»; и наоборот, чем оно демократичнее, тем больше в нем совершается преступлений на религиозной почве.*

Сложилась две крайние *политические* инициативы по разрешению этого парадокса:

первая – предложения **либералов**: абстрактно уравнивать НРД с другими религиями. Правда, в этом случае игнорируется сама возможность негативных последствий их деятельности;

вторая – предложения **традиционалистов**: поразить их в правах. Здесь же это ограничение может только подтолкнуть НРД к еще более жесткому сопротивлению.

Не является ли их явная односторонность в понимании сути данной проблемы истинной причиной правового тупика?

Методологическая близорукость только усугубляет социоконфликтность НРД. Следует учесть, что эта социоконфликтность имеет объективные, находящиеся в самом современном обществе, причины. Она вызывается, как уже говорилось выше, особым местоположением, занимаемым данным феноменом в современной системе специфических общественных отношений, где НРД с одной стороны обусловлены традиционными церквями, с другой - светским государством. Из этой их особенности следует только одно: никогда в истории, не была затребована так *теория*, как единственный способ разрешения проблем, с которыми не способна справиться практика.

Для исторического развития человечества террор не исключение, а правило. Но на сегодняшний день ситуация изменилась, и изменилась радикально. Все дело в том, что в языковые игры традиционных религий вступил игрок с более чем «странной» языковой претензией. И если каждая народная религия нацелена на создание устойчивого, инертного образования, с раз и навсегда устоявшимися правилами, то смысл активности этого игрока совершенно другой. Теоретический язык науки – вот та деятельность, результатом которой должен стать язык, могущий переводить все остальные языки и раскрывать их смыслы для них самих.

Ж.-Ф. Лиотар характеризует эту «всеобщность» научного творчества так: «Наука, если только она избирательна, представляет в своей прагматике антимодель устойчивой системы. Любое высказывание нужно удерживать только тогда, когда оно содержит отличие от известного ранее и поддается аргументации и доказательству. Она является моделью «открытой системы», в которой релевантность высказывания заключается в том, что оно «дает рождение идеям», т.е. другим высказываниям и другим правилам игры. В науке существует общий метаязык, на который могут быть переписаны все другие языки и в котором они могут быть оценены. Именно это препятствует идентификации с системой и, в конечном счете, террору» [4, с. 60].

Именно наука, вследствие своей «открытости», и есть то, что питает уверенность современного человека в *способности* противостоять всякому террору (насильственному в смысле «флеботомии» выходу из правил одного языка и принятию другого). Не случайно светское государство, став посредником в общении «великих рассказов» традиционных религий, с одной стороны, и «малых рассказов» новых религиозных движений – с другой, с самого начала ориентируется на науку и ее «логический» дискурс. Только на теоретическом, *религиоведческом* уровне проясняется единственная возможность в современных условиях решить специфическую проблему адаптации НРД. Современное государство не может существовать без религиоведения, так же как и наоборот, наука о религии способна реализовать все свои возможности *только* на основе государства, сущностью которого является «светскость».

В результате их союза было создано словосочетание, которое обозначило желанную цель того и другого. Речь идет о **«религиоведческой экспертизе»**.

Эта экспертиза во многих странах уже стала общественно признанной формой по предупреждению социально опасного поведения той или иной религиозной группы. Правда, ученые почти сразу же столкнулись с историческими, этическими и методологическими проблемами проведения этой процедуры либо частными, либо государственными экспертными советами [5].

Однако, современное религиоведение по указанной проблеме ждал очередной раскол. Образовались две крайние точки зрения: **объективизм** и **нормативизм**. Первая представлена, как правило, социологией религии, вторая – современным конфессиональным богословием. Обе позиции согласны с тем, что разработка процедуры религиоведческой экспертизы – особой теоретической оценке перспективы социального развития новой религии, позволит снять напряженность в данной сфере. Их же различие заключалось в противоположности методологических подходов.

Первый, *объективистский* подход, придерживается идеи научного нейтралитета. Здесь исходят из принципа методологической *всеобщности*. Ее представители полагают, что исследователь может занять такую познавательную позицию, с которой каждый предмет выступит в *равенстве* с другими возможными предметами познания. Благодаря этому объективизм пытается развернуть исследование, максимально ограниченное от влияния идеологических стереотипов. Применительно к процессу социальной адаптации НРД данный подход направляет изучение этого явления в рамки научного познания. Здесь приоритетными становятся вопросы понятийного определения, указания причины появления НРД и соотношения их с другими элементами современной социальной системы.

Но анализ эмпирических данных показывает, что в действительности каждая религия (как традиционная, так и нетрадиционная) реализует также свою *неравную* определенность. Какие-то религии на тысячелетия остаются в виде сект (или исчезают вообще), другие же получают распространение в рамках отдельных, национальных государств; одни несут жизнеутверждающие идеи, другие могут вызывать антисоциальные явления. В сущности, методология объективизма продуктивна только относительно предметов природного происхождения. В сфере общественной жизни обязательной является оценка с точки зрения нравственности.

Методологическую позицию, призывающую к учету с самого начала момента особенности религии, более того, оставляющую за собой право оценки своего предмета, исходя из *определенных* принципов (а не из принципов «вообще»), мы предлагаем назвать религиоведческим *«нормативизмом»*. Анализ этой позиции показывает правомерность ее требований рассмотрения возможных перспектив развития в социальной сфере той или иной «новой» религии с точки зрения конкретных ценностей. Но вызывает справедливые возражения то, как нормативисты избирают исходные принципы для оценки религиозного феномена. Для реализации своих задач представители этой методологии непосредственно обращаются к какой-либо религиозной традиции. Поэтому у них в основном превалирует

негативная оценка *любого* НРД в качестве измены традиции, как ревизии устоявшихся норм и догм, как попытку втянуть людей без твердых убеждений в новую, социально опасную авантюру.

Здесь абстрактная методологическая всеобщность позиции религиоведческого объективизма заменяется точно такой же абстрактной методологической особенностью. Первые предлагают чисто теоретический подход; в действительности же отношение к религии должно еще быть и практическим. Вторые, наоборот, переводя все в плоскость духовной практики, упускают значение теории. Объективисты, абсолютизируя момент общности религий, реализуют принцип равноценности всех религий без различия (что не соответствует исторической действительности), нормативисты же, ставя во главу угла момент особенности, проводят идею неравенства всех религий (что противоречит законодательству современного светского государства).

Нет никакого сомнения в том, что крайности объективизма и нормативизма в религиоведческой теории по сути является продолжением линии либерализма и традиционализма в социальной практике, искренне пытающиеся снять напряжение религиозного противостояния. Более того, именно здесь появляется возможность установить источник его возникновения и основные способы разрешения этого противостояния. Бросается в глаза откровенная взаимосвязь двух крайних познавательных позиций, которые сложились в религиоведческой методологии, с одной стороны, и двух общественно-политических движений, возникших по поводу НДР, с другой. Оказывается, что в качестве *объективного* источника этих крайностей выступает противоположность светского государства и традиционных церквей, регулирующих отношение с новыми религиями с точки зрения *своей* определенности.

Тем не менее, анализ этих крайностей позволяет понять необходимость возникновения третьей методологической позиции – философии религии. Это направление в современном религиоведении способно объединить оба эти подхода. Исследования Ю.А. Кимилева [3], Ю.В. Тихонравова и др. свидетельствуют о том, что от общеметодологических вопросов современная **философия религии** начинает обращаться к вопросам о сущности, происхождении и перспективах развития новых религиозных форм. Философия с помощью своих основных исследовательских приемов: предельного синтеза содержания и методологической рефлексии, способна обнаружить скрытые для других точек зрения стороны процесса социальной адаптации новых религиозных движений.

Основная идея, которую мы предлагаем в данном исследовании заключается в следующем. Мы считаем, что в современном мире характер взаимодействия религии и государства претерпел качественные изменения. Теперь наличное, историческое противостояние религий трансформируется в теоретическое, концептуальное. Именно здесь происходит «снятие» (Гегель) или «сублимация» (Ж. Деррида) этого противостояния.

Так во главу угла становится вопрос о *методологии* проведения религиоведческой экспертизы, для ответа на который необходимо привлечь

весь религиозоведческий потенциал. Но *рассудочное* религиозоведение не способно обеспечить полный содержательный синтез в силу ограниченности своей методологии. Оно либо абстрактно противопоставляет себя предмету (наивный объективизм), либо столь же абстрактно отождествляет себя с какой-нибудь особенной религиозной традицией (наивный субъективизм). Только философия религии может снять эти два вида абстрагирования и обеспечить по-настоящему конкретное познание современной религии, а значит и полное разрешение объективных противоречий.

Тогда основные этапы этого разрешения будут таковы:

- исторические религиозные новации и новые религиозные движения (оба суть незавершенные религиозные феномены), имеют совершенно разные перспективы для своего социального развития. Первые могли в общественной жизни достигать статуса государственной религии (образуя тем самым исторические традиции), в то время как вторые вынуждены искать другие формы;

- социоконфликтные ситуации, которые создают некоторые НРД, являются непродуктивными способами решения, как для них самих, так и для остальных участников современного духовного процесса. Демократические механизмы светского государства сами по себе не способны избавить общество от этих проблем;

- только сублимация нерастраченной социальной энергии НРД в религиозоведческую сферу современной системы специфических общественных отношений является объективной необходимостью для снижения ее возможной противоправности. Научной рефлексии поручается разработка теории и практики религиозоведческой экспертизы, с помощью которой происходит более полное разрешение противоречий онтологической (социальной) сферы существования исследуемой системы;

- но ограниченность методологии объективизма и нормативизма (онтическая сфера) не позволяет осмыслить социоконфликтность НРД в полном объеме. Поэтому проблема переносится на еще более высокий теоретический уровень – *мета* методологии, философии религии. Здесь, с учетом философского опыта рассмотрения религии в моменте сознания и с помощью опыта логического отображения в понятиях развивающихся систем [2], достигается всесторонний синтез содержания в исследовании адаптации НРД к современной системе церковно-государственных отношений.

Список использованных источников:

1. Баркер А. Новые религиозные движения. - С.-Пб., 1997.
2. Качурова С.В. Логика современного религиозного сознания// Вісник Національного університету "Юридична академія України імені Ярослава Мудрого" Серія: Філософія Збірник наукових праць., №3 (34) 2017., X. «Право» 2017. С. 142-155.
3. Кимилев Ю.А. Философия религии. - М., 1998
4. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна . С.-Пб., 1998. С. 60.
5. Тихонравов Ю.В. Судебное религиозоведение. М., 1998. С.214

Л'ОГО

Σ

МИСТЕЦТВО НАУКОВОЇ ДУМКИ

ЗБІРНИК НАУКОВИХ ПРАЦЬ

ЗА МАТЕРІАЛАМИ МІЖНАРОДНОЇ НАУКОВО-ПРАКТИЧНОЇ КОНФЕРЕНЦІЇ

НОВИНИ НАУКИ: ДОСЛІДЖЕННЯ, НАУКОВІ ВІДКРИТТЯ, ВИСОКІ ТЕХНОЛОГІЇ

31 БЕРЕЗНЯ 2019 РІК • ХАРКІВ, УКРАЇНА

ТОМ 2

ISBN 978-617-7171-80-4

ГРОМАДСЬКА ОРГАНІЗАЦІЯ
«ЄВРОПЕЙСЬКА НАУКОВА ПЛАТФОРМА»
ОО «ЕВРОПЕЙСКАЯ НАУЧНАЯ ПЛАТФОРМА» • NGO «EUROPEAN SCIENTIFIC PLATFORM»

ЛОГОΣ

ЗБІРНИК НАУКОВИХ ПРАЦЬ

ЗА МАТЕРІАЛАМИ МІЖНАРОДНОЇ
НАУКОВО-ПРАКТИЧНОЇ КОНФЕРЕНЦІЇ
«НОВИНИ НАУКИ: ДОСЛІДЖЕННЯ,
НАУКОВІ ВІДКРИТТЯ, ВИСОКІ
ТЕХНОЛОГІЇ»

31 БЕРЕЗНЯ 2019 РІК

ТОМ 2

Харків • Україна

УДК 001(08)
Н 72

Н 72 **Новини науки: дослідження, наукові відкриття, високі технології:** зб. наук. праць «ΛΟΓΟΣ» з матеріалами міжнар. наук.-практ. конф., м. Харків, 31 березня, 2019 р. Харків : ГО «Європейська наукова платформа», 2019. Т.2. с. 112.

ISBN 978-617-7171-80-4

Викладено тези доповідей та статті учасників міжнародної науково-практичної конференції «Новини науки: дослідження, наукові відкриття, високі технології», яка відбулася у місті Харків, 31 березня 2019 року.

Збірник присвячено для студентів, аспірантів, докторантів, здобувачів, молодих фахівців, викладачів, науковців та інших зацікавлених осіб, а також для широкого кола читачів.

Бібліографічний опис матеріалів конференції зареєстровано в міжнародній наукометричній базі «Google Scholar». Конференцію схвалено ReserchBib.

УДК 001 (08)

© Колектив авторів конференції, 2019
© Збірник наукових праць «ΛΟΓΟΣ», 2019
ISBN 978-617-7171-80-4 © ГО «Європейська наукова платформа», 2019

ЗМІСТ

СЕКЦІЯ 10. СОЦІАЛЬНІ КОМУНІКАЦІЇ ТА КУЛЬТУРОЛОГІЯ

АДАПТАЦІЯ ДІТЕЙ З МАЛОЗАБЕЗПЕЧЕНИХ СІМЕЙ ДО САМОСТІЙНОГО ЖИТТЯ Бородіна Р.В.	6
ГЕНДЕРНИЙ ПІДХІД У ТВОРЧОСТІ ЛІНИ КОСТЕНКО Ципищук К.В.	8
ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРОЛОГІЧНОГО КОНТЕНТУ У ФОРМАТІ ДИГІТАЛІЗАЦІЇ Чікарькова М.Ю.	10
РОЗВИТОК ХОРОВОГО МИСТЕЦТВА В УКРАЇНІ Ципищук К.В.	12
ФОРМУВАННЯ МУЗЕЙНОЇ СПРАВИ ЯК НАУКИ Малюк О.Ю.	14

СЕКЦІЯ 11. ФАРМАЦЕВТИЧНІ НАУКИ

ВИВЧЕННЯ МІКРО- ТА МАКРОЕЛЕМЕНТНОГО СКЛАДУ ПОТЕНЦІЙНОГО ВІДХАРКУВАЛЬНОГО ЗБОРУ Пруд А.М.	18
ДЕЯКІ АСПЕКТИ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛЮВАННЯ ЗАБЕЗПЕЧЕННЯ ЯКОСТІ ЛІКАРСЬКИХ ЗАСОБІВ Бутко Л.А., Дуюн А.А.	19
ОСНОВНІ ВИМОГИ КОНТРОЛЮ ЯКОСТІ ПРИ ЗБЕРІГАННЯ ТА ТРАНСПОРТУВАННІ ЛЗ Дуюн А.А.	21
РОЗРОБКА ТЕХНОЛОГІЇ ОДЕРЖАННЯ КУКУРУДЗИ СТОВПЧИКІВ З ПРИЙМОЧКАМИ ЕКСТРАКТУ РІДКОГО Карпюк У.В., Чолак І.С.	25

СЕКЦІЯ 12. ФІЛОЛОГІЧНІ НАУКИ

ENGLISH LOANWORDS IN UKRAINIAN ECONOMIC TERMINOLOGY Mihalochkina M.	27
SERIAL POLITYCZNY JAKO GATUNEK WYPOWIEDZI (NA PODSTAWIE SERIALU «SŁUGA NARODU») Худи В.В.	29
THE GENERAL TOOLS FOR PUBLIC SPEAKING ASSURANCE AT FOREIGN LANGUAGE CLASSES Scientific-research team: Yurko N., Styfanyshyn I., Protsenko U.	35
WOMEN'S PROSE AS A LITERARY COMPONENT Shmeleva R., Horbonos O.	37
ЖАНРОВА СПЕЦИФІКА ТРИЛОГІЇ В. ГОЛДІНГА «НА КРАЙ СВІТУ» Ящук Ю.П.	39
ЛУНА ПОСТРІЛІВ ЖУЛЬЄНА СОРЕЛЯ. (ІСТОРІЯ СТВОРЕННЯ РОМАНУ Ф.СТЕНДАЛЯ «ЧЕРВОНЕ І ЧОРНЕ») Копчак І.В.	42
ОСОБЛИВОСТІ БІЛІНГВАЛЬНОЇ ІНШОМОВНОЇ ПІДГОТОВКИ МАЙБУТНІХ ФАХІВЦІВ СФЕРИ ГОСТИННОСТІ В УМОВАХ ІНТЕРНАЦІОНАЛІЗАЦІЇ ВИЩОЇ ОСВІТИ В УКРАЇНІ Гаврилюк А.В.	47
ШЛЯХИ ПІДВИЩЕННЯ МОТИВАЦІЇ УЧНІВ ЗОНЗ У ПРОЦЕСІ НАВЧАННЯ ІНОЗЕМНОЇ МОВИ Панова О.В.	51
СЕКЦІЯ 13.	
ФІЛОСОФСЬКІ НАУКИ	
«БЕЗОСОБИСТІСНІСТЬ» В СОЦІАЛЬНІЙ ФІЛОСОФІЇ КОНФУЦІЯ ТА ЛАО-ЦЗИ Тарасова А.П.	55
ПРОБЛЕМА ОСОБИСТОСТІ КРІЗЬ ПРИЗМУ СТОЛІТЬ Ципищук К.В.	58
СОЦИАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И РЕЛИГИОЗНЫЙ РЕНЕССАНС Качурова С.В.	60